

Библиотека
начальной школы

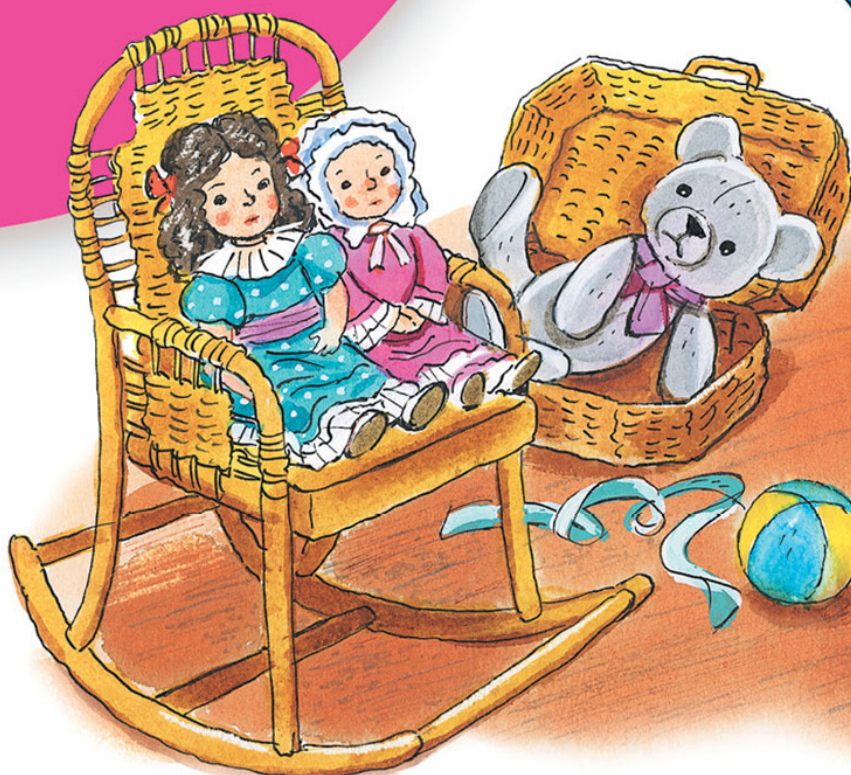

Рассказы для детей

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТ

Н. Тэффи

Библиотека начальной школы

Надежда Тэффи
Рассказы для детей

«Издательство АСТ»

УДК 821.161.1-34-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тэффи Н.

Рассказы для детей / Н. Тэффи — «Издательство АСТ»,
— (Библиотека начальной школы)

Надежда Тэффи, настоящее имя Надежда Александровна Лохвицкая (1872–1952), писала юмористические рассказы не только для взрослых, но и для детей. В эту книгу вошли такие произведения, как «Приготовишка», «Кишмиш», сказка «Чёртик в баночке» и другие. Дети в этих рассказах много размышляют над странностями взрослых людей и мечтают о чём-то небывалом. Тэффи по-доброму пишет про наивные детские поступки, отчего её рассказы излучают нежность и любовь к ребёнку. Иллюстрации современных художников С. Бордюга и Н. Трепенюк. Для младшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-34-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тэффи Н.
© Издательство АСТ

Содержание

Кишмиш	7
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Н. Тэффи

Рассказы для детей. [рассказы, сказка]

© Тэффи Н.А., насл., 2019

© ил., Бордюг С.И. и Трепенюк Н.А., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Кишмиш

Великий пост. Москва.

Гудит далёким глухим гулом церковный колокол. Ровные удары сливаются в сплошной тяжкий стон.

Через дверь, открытую в мутную предутренней мглой комнату, видно, как, под тихие, осторожные шорохи, движется неясная фигура. Она то зыбко выделяется густым серым пятном, то снова расплывается и совсем сливается с мутной мглой. Шорохи стихают, скрипнула половица и ещё одна – подальше. Всё стихло. Это няня ушла в церковь, к утрене.

Она говеет.

Вот тут делается страшно.

Девочка свёртывается комочком в своей постели, чуть дышит. И всё слушает и смотрит, слушает и смотрит.

Гул становится зловещим. Чувствуется беззащитность и одиночество. Если позвать – никто не придёт. А что может случиться? Ночь кончается, наверное, петухи уже пропели зорю, и все привидения убрались восвояси.

А «свосяси» у них – на кладбищах, в болотах, в одиноких могилах под крестом, на перекрёстке глухих дорог у лесной опушки. Теперь никто из них человека тронуть не посмеет, теперь уже раннюю обедню служат и молятся за всех православных христиан. Так чего же тут страшного?

Но восьмилетняя душа доводам разума не верит. Душа сжалась, дрожит и тихонько хнычет. Восьмилетняя душа не верит, что это гудит колокол. Потом, днём, она будет верить, но сейчас, в тоске, в беззащитном одиночестве, она «не знает», что это просто благовест. Для неё этот гул – неизвестно что. Что-то зловещее. Если тоску и страх перевести на звук, то будет этот гул. Если тоску и страх перевести на цвет, то будет эта зыбкая серая мгла.

И впечатление этой предрассветной тоски останется у этого существа на долгие годы, на всю жизнь. Существо это будет просыпаться на рассвете от непонятной тоски и страха. Доктора станут прописывать ей успокаивающие средства, будут советовать вечерние прогулки, открывать на ночь окно, бросить курить, спать с грелкой на печени, спать в нетопленной комнате и многое, многое ещё посоветуют ей. Но ничто не сотрёт с души давно наложенную на неё печать предрассветного отчаяния.

* * *

Девочке дали прозвище «Кишмиш». Кишмиш – это мелкий кавказский изюм. Прозвали её так, вероятно, за маленький рост, маленький нос, маленькие руки. Вообще, мелочь, мелюзга. К тринадцати годам она быстро вытянется, ноги станут длинными, и все забудут, что она была когда-то кишмишом.

Но, будучи мелким кишмишом, она очень страдала от этого обидного прозвища. Она была самолюбива и мечтала выдвинуться как-нибудь и, главное, – грандиозно, необычайно. Сделаться, например, знаменитым силачом, гнуть подковы, останавливать на ходу бешено мчащуюся тройку. Манило также быть разбойником или, пожалуй, ещё лучше – палачом. Палач – могущественнее разбойника, потому что он одолеет, в конечном счёте. И могло ли кому-нибудь из взрослых, глядя на худенькую, белобрысую, стриженую девочку, тихо вяжущую бисерное колечко, – могло ли кому-нибудь прийти в голову, какие грозные и властные мечты бродят в её голове? Была, между прочим, ещё одна мечта – это быть ужасной уродиной, не просто уродиной, а такой, чтобы люди пугались. Она подходила к зеркалу, скашивала глаза, растягивала рот и высовывала язык набок. При этом предварительно произносила басом, от имени неизвестного кавалера, который лица её не видит, а говорит в затылок:

– Разрешите пригласить вас, мадам, на кадрили.
Потом делалась рожа, полный оборот и следовал ответ кавалеру:
– Ладно. Только сначала поцелуйте мою кривую щёку.

Предполагалось, что кавалер в ужасе убегает. И тогда ему вслед:

– Ха! Ха! Ха! Небось не смеешь!

Кишмиш учили наукам. Сначала – только Закону Божию и чистописанию.

Учили, что каждое дело надо начинать молитвой.

Это Кишмиш понравилось. Но имея в виду, между прочим, и карьеру разбойника, Кишмиш встревожилась.

– А разбойники, – спросила Кишмиш, – когда идут разбойничать, тоже должны молиться?

Ей ответили неясно. Ответили: «Не говори глупостей». И Кишмиш не поняла, – значило ли это, что разбойникам не надо молиться, или что непременно нужно, и это настолько ясно, что и спрашивать об этом глупо.

Когда Кишмиш подросла и пошла в первый раз к исповеди, в душе её произошёл перелом. Грозные и властные мечты погасли.

Очень хорошо пели постом трио «Да исправится молитва моя».

Выходили на середину церкви три мальчика, останавливались у самого алтаря и пели ангельскими голосами. И под эти блаженные звуки смирялась душа, умилялась. Хотела быть белой, лёгкой, воздушной, прозрачной, улетать в звуках и в дымах кадильных туда, под самый купол, где раскинул крылья белый голубь Святого Духа.

Тут разбойнику было не место. И палачу и даже силачу совсем тут быть не подходило. Уродина-страшилище встала бы куда-нибудь за дверь и лицо бы закрыла. Пугать людей было бы здесь делом неподходящим. Ах, если бы можно было сделаться святой! Как было бы чудесно! Быть святой – это так красиво, так нежно. И это – выше всего и выше всех. Это – важнее всех учительниц и начальниц и всех губернаторов.

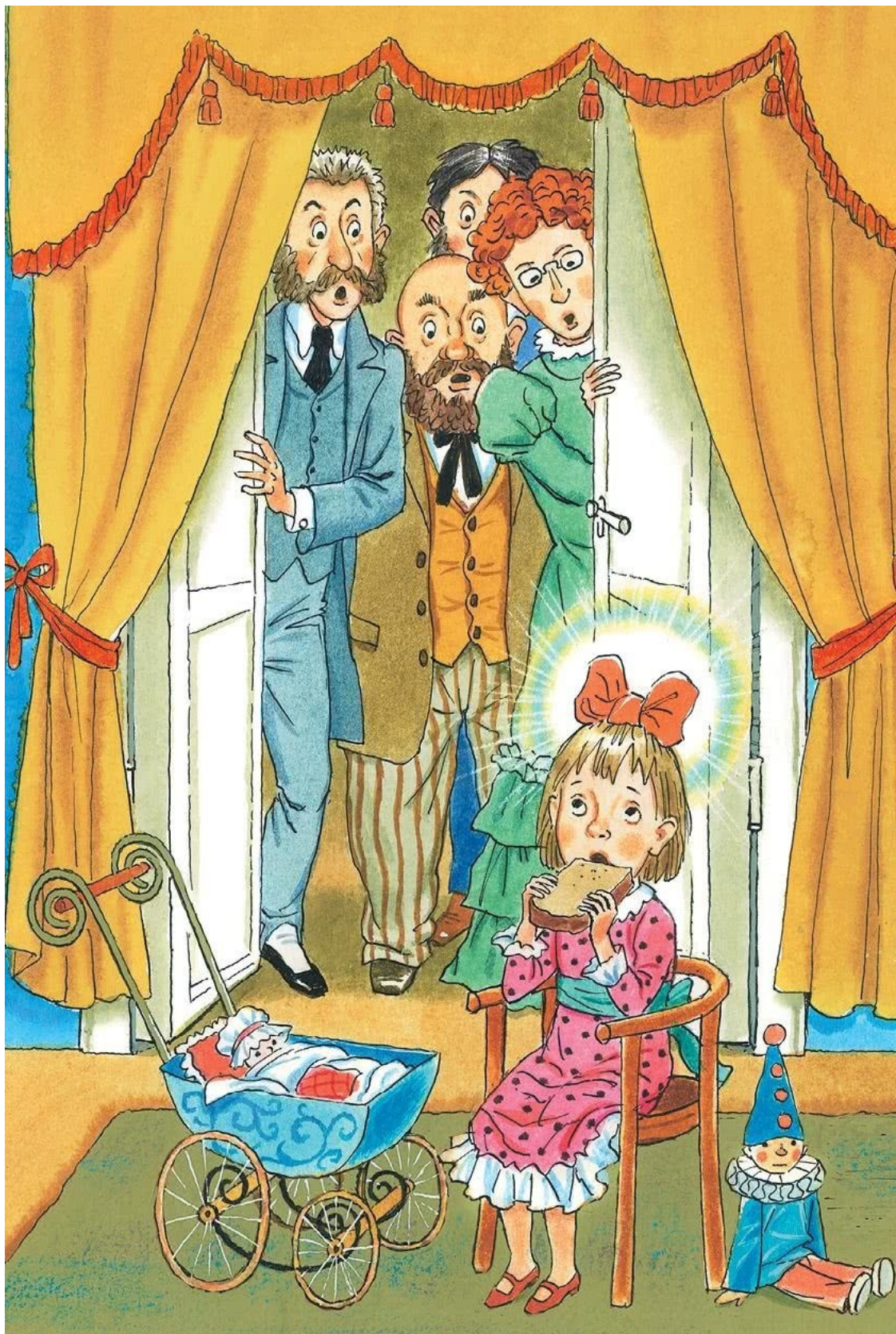
Но как сделаться святой? Придётся делать чудеса, а Кишмиш делать чудес ни капельки не умела. Но ведь не с этого же начинают. Начинают со святой жизни. Нужно сделаться кроткой, доброй, раздать всё бедным, предаваться посту и воздержанию.

Теперь, как отдать всё бедным? У неё – новое весеннее пальто. Вот его, прежде всего, и отдать.

Но до чего же мама рассердится. Это будет такой скандал и такая трёпка, что и подумать страшно. И мама расстроится, а святой не должен никого расстраивать и огорчать. Может быть, отдать бедному, а маме сказать, что просто пальто украли? Но святому врать не полагается. Ужасное положение. Вот разбойнику – тому легко жить. Ври, сколько влезет, и ещё хохочи коварным смехом. Так как же они делались, эти святые? Просто дело в том, что они были старые, – все не меньше шестнадцати лет, а то и прямо старики. Они и не обязаны были маму слушаться. Они прямо забрали всё своё добро и сразу его раздали. Значит, с этого начинать нельзя. Это пойдёт под конец. Начинать надо с кротости и послушания. И ещё с воздержания. Есть надо только чёрный хлеб с солью, пить – только воду прямо из-под крана. А тут опять беда. Кухарка насплетничает, что она пила сырую воду, и ей достанется. В городе – тиф, и мама сырую воду пить не позволяет. Но, может быть, когда мама поймёт, что Кишмиш – святая, она препятствий делать не будет?

- А как чудесно быть святой. Теперь это такая редкость. Все знакомые будут удивляться:
- Отчего это над Кишмиш – сияние?
  - Как, разве вы не знаете? Да ведь она уже давно святая.
  - Ах! Ах! Быть не может.
  - Да вот, смотрите сами.
- А Кишмиш сидит и кротко улыбается и ест чёрный хлеб с солью.

Гостям завидно. У них нет святых детей.
– А может быть, она притворяется?
Какие дураки! А сияние-то!

Вот интересно – скоро ли начнётся сияние? Вероятно, через несколько месяцев. К осени уже будет. Боже мой, Боже мой! Как это всё чудесно! Пойду исповедоваться на будущий год. Батюшка спросит строго:

– Какие у тебя грехи? Кайся.

А я ему в ответ:

– Ровно никаких, я – святая.

Он – ах! ах! Быть не может!

– Спросите у мамы, спросите у наших гостей – все знают.

Батюшка начнёт допытываться, может быть, какой-нибудь, самый маленький, грешок есть?

А Кишмиш в ответ:

– Ни од-но-го! Хоть шаром покати.

А интересно – нужно будет всё-таки уроки готовить? Беда, если нужно. Потому что лениться святому нельзя. И не слушаться нельзя. Прикажут – учись. Если бы ещё сразу суметь делать чудеса. Сделать чудо – учительница сразу испугается, упадёт на колени и урока не спросит.

Потом представила себе Кишмиш, какое у неё будет лицо. Подошла к зеркалу, втянула щёки, раздула ноздри, подкатила глаза. Такое лицо Кишмиш очень понравилось. Действительно – святое лицо. Немножко тошнительное, но совсем святое. Такого ни у кого нет. Теперь, значит, айда на кухню за чёрным хлебом.

Кухарка, как всегда перед завтраком, сердитая и озабоченная, была неприятно удивлена Кишмишовым визитом.

– Чего барышням на кухню ходить? Мамашенька забранят.

Кишмиш невольно потянула носом. Пахло вкусной постной едой – грибами, рыбой, луком. Хотела было ответить кухарке «не ваше дело», но вспомнила, что она – святая, и отвечала сдержанно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.